

**XXXIII ХАРАКСКИЙ ФОРУМ «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: ДИАЛОГ ЭПОХ И ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ»**

Агапов О.Д.

доктор философских наук, профессор, ЧОУ ВО «Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»,

Агапова Э.И.

кандидат философских наук, доцент, ЧОУ ВО «Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»,

МЕДИАЦИЯ И ИНВЕРСИЯ В ДИНАМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX В.

Аннотация: В статье рассматриваются социально-гуманитарные стратегии медиации и инверсии в контексте всемирной и российской истории XX в. Предметом социально-философского анализа выступают социокультурные альтернативы российских революций 1905-1917 гг., определяющих характер развития взаимоотношений между гражданским обществом и государством в России.

Ключевые слова: медиация, инверсия, гражданское общество, альтернатива, субъект медиации.

Любой большой юбилей способен в феноменологическом плане выступить импульсом для переосмысления тенденций исторического развития человеческого рода, для формирования личностно-экзистенциальной гражданской позиции и практики. Тем более, что временная дистанция позволяет четче и яснее представить причинно-следственные связи, учесть скрытые ранее моменты, задать новую теоретико-методологическую перспективу. Столетие российских революций 1917 г. в этом плане, не выступает исключением. Другой вопрос, насколько мы готовы к осмыслению, к извлечению смыслов и значений этих событий, имеющих поистине глобальное значение. Указание на глобальное звучание не метафора, а объективное понимание того, что с эпохи Великих географических открытий история каждого народа на любом континенте уже «вплетена» в ткань складывающейся и развивающейся «мир-системы», где ряд государств доминирует, стремится сохранить суверенность или попадает в различные формы зависимости.

Например, Т. Шанин обращает наше внимание на то, что русские революции 1905-1917 гг. имеют *мир-системное* значение. Он пишет: «Россия открыла новое столетие революцией 1905-1907 гг. Для остального мира новое столетие началось русской революцией. Для России поражение революции 1905-1907 гг. стало драматическим началом эпохи, в которой сама природа российского общества подверглась испытаниям и изменилась в степени, в какой она никогда прежде не изменялась. Главный итог этой трансформации для всего мира - образование СССР - был очевидным и грандиозным, но к этому следует добавить и нечто другое, не менее важное. События, происходившие в России, были частью волны радикализма, прокатившейся в те годы по всему миру: массовых забастовок, крестьянских бунтов, борьбы за всеобщее избирательное право, военных мятежей, государственных переворотов и т.д. Взгляд из нашего времени позволяет говорить об особом характере этой картины и выявить, по существу, новый тип явлений. Для неколонизальной периферии капитализма русская революция 1905-1907 гг. была первой в серии революционных событий, которые подвергли суровому испытанию евроцентризм структур власти и моделей самопознания, сложившихся в XIX в. За революцией в России, немедленно последовали революции в Турции (1908), Иране (1909), Мексике (1910) и Китае (1911). К ним следует добавить и другие мощные социальные противостояния, такие, как крестьянское восстание 1907 г. в Молдавии, «период волнений» в колониальной Индии 1905-1908 гг. и исламское движение в Индонезии в 1909 г. В самой России революция возобновилась в 1917

г., а революции на периферии так и не прекращались в течении многих десятилетий. В некоторых случаях, хотя и не во всех, можно проследить прямое воздействие на них событий, произошедших в России¹.

О важности русских революций начала XX в., а также о российском факторе для мир-системы пишет и В. Никонов: «можно совершенно точно назвать тот момент в истории, когда народы Азии почувствовали, что колониальному угнетению европейских держав можно успешно противостоять. Как бы ни неприятно нам это вспоминать, речь идет о Цусимском сражении в мае 1905 г., когда небольшой японский флот адмирала Хэйхатиро Того потопил большую часть российского флота, проделавшего путь вокруг половины земного шара, что решило исход войны, которая шла за контроль над Кореей и Маньчжурией... Успех Японии в войне с Россией не мог отменить реальность – безусловное военное и экономическое превосходство Запада, но он начал процесс интеллектуальной деколонизации»².

Понимание общности истории человеческого рода, с которой мы начали статью, на наш взгляд задает необходимую оптику рассмотрения цикличности российской истории/цивилизации как важнейшего субъекта всемирной истории. Прежде всего, потому, что мы можем говорить о медиации или инверсии только по отношению к субъекту/субъектам. По Б. Латуру, решиться на медиативный стиль мышления, а тем более на выстраивание медиативного порядка социальной и гуманитарной практики означает исходить из понимания истории как открытой системы сосуществования и со-деятельности множества субъектов, создающих новые смыслы, ценности, институции, структуры. Общество приобретает формат сообщества – совокупности «ее делегатов и представителей, фигур и посланников»³, что создает реальные шансы для конституирования новой исторической конфигурации современности. Б. Латур убежден, что субъекты медиации – это *субъекты срединности*, ориентированные на устроение социально-исторической реальности как *сообщества*, где возможно выстроит гибкую онтологическую, методологическую и антропологическую соразмерность бытия. «Всякая длительность, всякая устойчивость, всякая перманентность должна быть оплачена ее медиаторами»⁴.

Человеческий род, включаясь в медиативное бытие, становится вмененным или ответственным, избавляясь насколько возможно от поиска «козлов отпущения», и обращаясь более к своим основаниям, формам бытия, пределам. Социально-философский анализ медиации Б. Латуром, показывает, что пространство медиативных отношений - это сфера, где «не существует больше голых истин, но также не существует больше голых граждан. Все пространство заняли медиаторы. У Просвещения, наконец, появилось пристанище. Природы присутствуют, но со своими представителями – учеными, которые говорят от их имени. Общества присутствуют, но с объектами, которые с незапамятных времен служат им балластом»⁵.

Не менее сложная ситуация с идентичностями и делегированием в глобальной перспективе с позиций единства многообразия человеческого рода, что требует активной методологической рефлексии. На наш взгляд, множественность идентичностей/самоидентичностей, которые открывает теоретико-методологическая «оптика» медиативного подхода наиболее полно воплощается в концептах «гражданин»/ «гражданское общество».

¹ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905 – 1917 гг. -1917 – 1922 гг. – М.: «Весь Мир», 1997. - 560 с.

² Никонов В. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? – М.: Издательство «Э», 2015. – 672 с.

³ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.- Петербурге, 2006. – 240 с.

⁴ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.- Петербурге, 2006. – 240 с.

⁵ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.- Петербурге, 2006. – 240 с.

Ойген Розеншток-Хюсси, один из реконструкторов корпуса Современности, отмечал, что «гражданин – тот, кто живет и работает так, как если бы он сам был основателем дела, которому он служит, законодателем общности или «града», где он нашел свое место»¹.

Действительно концепт «гражданин», его объем и содержание, на наш взгляд, должен быть переосмыслен и высвобожден из-под диктатуры анонимной Современности.

Ч. Тейлор и О. Хархордин напоминают нам, что согласно одной из традиций новоевропейской политической философии, идущей от Ш. Монтескье, Б. Констана и А. Токвиля гражданское общество – это *corp intermediaries*, т.е. пространство «промежуточных тел» или «властей», опосредующих отношения между индивидом и государством. «Промежуточные тела» – это ассоциации, союзы, корпорации – общей чертой которых выступает интерес, общее дело, свободное волеизъявление². Неслучайно XVII – XXI вв. стали периодом становления и развития гражданских сообществ, где в единстве многообразия (религиозного, этнического, профессионального и т.д.) оттачивалась идея и практики личностного бытия. Модели гражданских сообществ выступают сегодня «точками сборки» во всем мире. Не составляет исключение и Российская Федерация. И.Е. Дискин, председатель Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной Палаты РФ пишет: «развитие гражданского общества, его субъектов, структур и институтов стало важным элементом стабилизации, укрепления ориентации российского общества на эволюционное развитие, на снижение остроты общественной конфронтации и противоборства». Он также отмечает, что «структуры гражданского общества, выстроенные на общности корпоративных и профессиональных интересов, стали успешными легальными лоббистами. Они вполне профессионально представляют эти интересы во взаимоотношениях с органами власти, выдвигают масштабные инициативы по развитию не только «близких» им государственных и общественных институтов, но и в отношении приоритетов национального развития»³.

Итак, наше обращение к концептам «гражданин» и «гражданское общество» позволило обрести теории медиации «почву под ногами», выявить не абстрактных субъектов медиации, а целые сообщества субъектов медиативных отношений, которые *про-из-водят* новые социальные контракты на месте старых проектов и метанарративов.

Предметом новейшего социально-политического и социокультурного контракта между институтами/лидерами гражданского общества и государством/политическим классом в России выступает, согласно И.Е. Дискину, *ответственное партнерство в проведении реформ*. Формирование реальных механизмов указанного общественного договора возможно через воплощение следующих моментов: «широкий общественный диалог о ценностных основаниях функционирования нашего общества и государства на новом этапе его развития; упрочнение ценностного ядра, объединяющего большинство российского общества; активную дискуссию структур – представителей интересов гражданского общества о ценностях, нормах и правилах, лежащих в основе функционирования основных, государственных, экономических и социальных институтов; выявление расхождений между формируемым ценностным консенсусом, с одной стороны, и ценностным измерением практик соответствующих институтов, с другой; приведение практик функционирования социальных подсистем и институтов с нормами общественного ценностного консенсуса»⁴.

Итак, каждый из нас как субъект современности в потенции есть *субъект медиации*, а, следовательно, представитель/ делегат своего личностного имманентно – трансцендентного бытия. Переводя с высокого философско-гуманитарного языка на язык повседневности – каждый из нас *субъект практики* своих социокультурных ролей и статусов. Представление о

¹ Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 2008. – 270 с.

² Хархордин О. Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.

³ Дискин И.Е. Что впереди? Россия, которая (все еще) возможна. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 303 с.

⁴ Дискин И.Е. Что впереди? Россия, которая (все еще) возможна. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 303 с.

человеке как субъекте медиации имеет важнейшее значение как для развития социально-гуманитарных наук, так и для формирования и расширения гражданско-гуманитарных практик. Например, в социально-антропологической перспективе появляется возможность выделять медиацию как сферу профессиональной деятельности, как метод мышления, а также форму конституирования социально-антропологических практик, жизненных стратегий/траекторий. На сегодняшний день настоятельная задача гуманитариев состоит в *отстаивании* максимально свободного и участного «формата мышления» о перспективах социального развития.

Ярким примером *участного* социогуманитарного познания и практики выступает процесс **медиационного** мышления, где на первый план по К. Леви-Строссу выступает поиск альтернативы сложившимся в рамках культуры смысловым структурам. Оппозиционной парой медиации в методологическом ключе выступает инверсия, где доминантой выступает редукция нового к ранее известному. Инверсия, как правило, ведет к архаизации, к фундаментальному традиционализму, к одномерной модели модерна/модернизации.

На наш взгляд следует различать медиацию в широком и узком формах. Максимально широкий формат – это медиативное движение всех участников социального развития по «производству смыслов» эпохи, а узкий формат – это сложившиеся практики правовой или социально-психологической медиации.

Соотношения «медиационность - инверсионность» пронизывает политические, экономические и цивилизационные отношения, образуя широкий круг жизненного мира эпохи. В сознании практически каждого человека сегодня сплетаются структуры архаики, традиции, модерна и постмодерна (А. Неклесса, А. Архангельский, И. Кондаков, И. Яковенко, А. Десницкий). Не менее причудливо соотносятся институты доосевого и осевого времени (К. Ясперс), осевых революций (Ш. Эйзенштадт, Е. Рашковский), множества хозяйственных укладов (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Г. Дерлугьян, В. Федотова, В. Колпаков), культурных миров (М. Гефтер, В. Малявин). Следует также отметить, что результатом медиационного мышления выступает *институализация* инноваций, нетождественных, по сути, революциям и реформам.

Возвращаясь от общеметодологических тезисов к теме статьи – места и роли медиации и инверсии в российской истории – отметим, что в ходе революций 1905 – 1917 гг. рождались новые субъекты российской истории: народ, интеллигенция, пролетариат и т.д. Если взять шире, то родился новый субъект - российская нация как гражданское общество.

Утверждение о формировании российской нации не случайно и не ошибочно, ибо одним из политических результатов революции выступил Манифест 17 октября 1905 г., где признавалось право подданных Российской империи создавать политические партии, вести политическую деятельность. В государстве, созданном в нач. XVIII в. Петром I не было граждан, был один субъект/моносубъект - российское государство (все же сословия, страты, классы, иные ассоциации носили характер протосубъектов, незавершенных в той или иной степени, поскольку не имели политического «профиля»).

Авторы коллективной монографии «История политических партий России» А.И. Зевелев, С.В. Тютюкин, Н.Д. Ерофеев справедливо отмечают: «процесс политического пробуждения российского общества сделал в 1905 – 1907 гг. поистине огромный шаг вперед. Этому способствовал, прежде всего, тот дух свободы, демократии, гласности, который принесла революция. Значительные цензурные вольности, а временами и почти полная свобода печати, появление сотен новых периодических изданий, листовки революционных партий, массовые митинги, возможность свободно знакомиться с ходом работы Государственной Думы, разного рода политические клубы и легальные культурно-

просветительские общества – все это, вместе взятое, произвело колоссальный сдвиг в сознании миллионов россиян»¹.

Первая российская революция 1905 г. стала первым успешным опытом борьбы субъектов российского общества за свои интересы. Главное – и крестьяне, и пролетариат, и буржуазия, и бюрократия и др. поняли, что свобода политического, социального или экзистенциального действия *не дается сверху, а берется, отстаивается* различными формами, сочетающими легальные и нелегальные методы. В острых дискуссиях авторов «Вех» (1909 г.) помимо самого факта рождения гражданского общества в России мы видим проблему развития культуры гражданственности, культуры достижения искомым ценностей и образа жизни на путях развития социальности, образования, множественности социально-экономической, политической и социокультурной деятельности. Вместе с тем, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, М. Гершензон, П.Б. Струве отмечали значительные риски для развития новой демократической России.

Революционное «пробуждение» субъектов российского общества остро поставила проблему формирования общественных пространств как точек диалога, «площадок» выработки общегражданской национальной «повестки дня». Вопрос вопросов, насколько к этому экзамену публичности оказалось готово самодержавие, новоиспеченные политические партии и их лидеры, крестьянство, буржуазия, народ в целом. Ю.С. Пивоваров показал, что революция 1905-1917 гг. (широкая хронология у него вообще охватывает период с 1861 г. по 1930 г.) была двойной комбинацией трех революций: буржуазно-демократической, социалистической и эмансипационной, представители которых имели различные «картины мира», говорили на разных «языках», имели различные представления о методах приемлемого действия. Если о первых двух пластах более чем известно, то третий пласт не очевиден без социокультурного изучения (подход А.С. Ахиезера, И. Кондакова, И. Клямкина, И. Яковенко). «Эмансипационная революция послепетровской европеизированной субкультуры, предвестниками которой выступили декабристы, и которая победила весной 1917 г. Победила и почил в бозе. Свои задачи она выполнила, а строить новое ей было не по силам, не по плечу. Общинная же революция второй послепетровской субкультуры была традиционалистской, почвенной, старомосковской. Она началась весной 1917 г. и, по мнению специалистов, закончилась к 1922 г. Ее результат: все пахотные земли России наконец-то принадлежали Общине, столыпинская же реформа – последнее, что могла предложить ей европеизированная культура – была похоронена»².

Действительно, формирование широкой палитры политических партий консервативного, либерально-демократического, социалистического направлений, оживление философской, научной и богословской жизни способствовали становлению новых субъектов российской политики, готовых к *медиации*, к поиску новых форм гражданского бытия.

Вместе с ростом субъектов медиации в политическое поле входили и субъекты инверсии. Наиболее ярким примером выступает черносотенство («красное» и «белое» по П.Б. Струве – Ю.С. Пивоварову). «Черносотенство есть социальный мейнстрим русского общества при переходе его традиционалистско-сельского к современно-городскому. Это культура масс, рвущих со своим прошлым, чуждых идей и ценностей «Hohkultur» и духа модерности, социальный феномен, как бы застрявший ... между традиционализмом и современностью... Черносотенец принадлежит не деревне и не городу... Его идеология представляла собой комбинацию антикосмополитических, антиурбанистических, антибюрократических, антикапиталистических, антилиберальных, антисемитских взглядов, сдобренных традиционным и очень поверхностно-вульгарно трактуемым «позитивом» -

¹ История политических партий России/ под ред. А.И. Зевелева. – М.: Высшая школа, 1994. – 447 с.

² Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.: СПб: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 336 с.

«православие, самодержавие, народность»¹. Отличие «белого» и «красного» черносотенства состоит в том, что первый – «Союз Михаила Архангела» был порожден реалиями Российской империи, а второй принял форму большевизма, «упаковал себя в европейское платье, научившись говорить на немецко-французском социалистическом языке».

Предметом медиации – инверсии был не только политический строй, но и экономический уклад, межнациональные и межрелигиозные отношения, свобода творчества и свобода вероисповедания. Относительно короткие сроки (1906 – 1914 гг.) равнодействия между силами развития в России: субъектами революции и субъектами реформ не дали институализироваться культуре медиации, хотя ее «эффекты» в различных сферах до сих пор поражают, имеют «долгое эхо». В частности, «серебряный век» русской культуры, науки, философии, богословия вызван, на наш взгляд, именно политико-социокультурным раскрепощением российского общества начала XX в. То, что не удалось политическим субъектам, вполне состоялось на уровне личностных социально-антропологических практик. Это дало миру почувствовать стиль российской цивилизации. Влияние культуры медиации как многоукладности экономической жизни есть в трудах Н. Кондратьева, А. Чайнова; свободой и множественностью истории пронизано творчество Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина, П.Б. Струве; любовь и творчество движут школой неопатристического синтеза (о. Г. Флоровский). Российский/русский мир 20-30-х гг. как в СССР, так и в русском зарубежье был богат на людей развития. Другой вопрос, что в рамках господства инверсии – авторитарно-тоталитарных государств этот потенциал развития был свернут, редуцирован или преобразован, а многие из субъектов медиации – субъектов гражданственности были репрессированы.

Развитие культуры медиации – инверсии в советский и постсоветский периоды российской истории, предмет отдельного исследования. В частности, М.Я. Гефтер, глубокий советский неформальный историк и мыслитель всегда в своих статьях отмечал, что каждое десятилетие в советском обществе было отмечено своими альтернативами развития. Иное дело, что сам концепт «альтернативы» ушел «с уровня работы мысли». Однако чередование в советском периоде циклов «мобилизация» - «оттепель» показывает, по его мнению, то что большевики постоянно нуждались в поддерживающих практиках медиативного развития. В частности, его реконструкция сталинского периода развития СССР показывает, что И. Сталин был мастером «присваивать» себе рождающиеся социальными трендами. «Альтернатива 1934 г. – страшно интересна. Ее надо сопоставлять не с 1929 г., а с 1921-22 гг. – когда сам ход событий вынес альтернативность в политическую повестку. После победы курса коллективизации все устремилось в русло регулярного протекания. И множество факторов к этому фрагментарно подводили. Перечислять их долгое дело, они разнопорядковые. Они захватывают экономику, как снижение темпа индустриализации. Они захватывают сферу культуры - возникает Союз писателей СССР. Они вторгаются в сферу идеологии – в отношении к русской истории, к прошлому. Все они разнолики, а не проекции чего-то единого, лишь распределенного по секторам. Их пестрота ставит вопрос перевода фрагментарной нормализации в политику. И процесс к этому действительно двинулся. О сталинской оттепели середины тридцатых можно говорить совершенно уверенно... Произошло же вот что: Сталин замкнул эти фрагменты на их эрзац и проиграл свою альтернативу лидера советской нормализации. От его «Головокружения от успехов» до декабря 1936 г., до Конституции, альтернатива была спародирована, проиграна, а затем зверски умерщвлена в 1937 – 1938 гг.»².

¹ Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М: СПб: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 336 с.

² Гефтер М.Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Опыты политические, исторические и теологические о Революции и советском мире как Русском. – М.: Издательство «Европа», 2015. – 400 с.

Последняя мобилизация и попытка медиации между государством и обществом в СССР может быть отнесена к перестройке (1985 – 1989 гг.), связанной с политикой ускорения, гласности, нового мышления М.С. Горбачева. Однако, именно в период перестройки в советском обществе сформировались новые субъекты медиации – субъекты революции, в ходе которой сформировалось новое государство - Российская Федерация, был дан старт новому этапу российской истории и культуре гражданственности.

Литература:

1. *Гэфтер М.Я.* Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Опыты политические, исторические и теологические о Революции и советском мире как Русском. – М.: Издательство «Европа», 2015. – 400 с.
2. *Дискин И.Е.* Что впереди? Россия, которая (все еще) возможна. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 303 с.
3. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.- Петербурге, 2006. – 240 с.
4. *Никонов В.* Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? – М.: Издательство «Э», 2015. – 672 с.
5. *Пивоваров Ю.С.* Русское настоящее и советское прошлое. – М: СПб: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 336 с.
6. *Розеншток–Хюсси О.* Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 2008. – 270 с.
7. *Хархордин О.* Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.
8. *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905 – 1917 гг. -1917 – 1922 гг. – М.: «Весь Мир», 1997. - 560 с.
9. История политических партий России/ под ред. А.И. Зевелева. – М.: Высшая школа, 1994. – 447 с.

References:

1. *Gefter M.YA.* Tre'tego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom. Opyty politicheskie, istoricheskie i teologicheskie o Revolyucii i sovetskom mire kak Russkom. – M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2015. – 400 s.
2. *Diskin I.E.* CHto vpered'i? Rossiya, kotoraya (vse eshche) vozmozhna. – M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2014. – 303 s.
3. *Latur B.* Novogo vremeni ne bylo. EHsse po simmetrichnoj antropologii. – SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v S.- Peterburge, 2006. – 240 s.
4. *Nikonov V.* Kod civilizacii. CHto zhdet Rossiyu v mire budushchego? – M.: Izdatel'stvo «EH», 2015. – 672 s.
5. *Pivovarov YU.S.* Russkoe nastoyashchee i sovetskoe proshloe. – M: SPb: Centr gumanitarnyh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2014. – 336 s.
6. *Rozenshtok–Hyussi O.* Rech' i dejstvitel'nost'. – M.: Labirint, 2008. – 270 s.
7. *Harhordin O.* Osnovnye ponyatiya rossijskoj politiki. – M.: Novee literaturnoe obozrenie, 2011. – 328 s.
8. *SHanin T.* Revolyuciya kak moment istiny. Rossiya 1905 – 1917 gg. -1917 – 1922 gg. – M.: «Ves' Mir», 1997. - 560 s.
9. Istoriya politicheskikh partij Rossii/ pod red. A.I. Zeveleva. – M.: Vysshaya shkola, 1994. – 447 s.

MEDIATION AND INVERSION IN THE DYNAMICS OF RUSSIAN HISTORY XX C.

Agapov O.D.

d. philos.n., Professor CHOU VO KIU

Agapova E.I.

Ph.D., Associate Professor, CHOU VO KIU

Abstract: *The article considers social and humanitarian strategies of mediation and inversion in the context of the world and Russian history of the 20th century. The subject of socio-philosophical analysis is the socio-cultural alternatives of the Russian revolutions of 1905-1917, which determine the nature of the development of the relationship between civil society and the state in Russia.*

Keywords: *mediation, inversion, civil society, alternative, subject of mediation.*

Для цитирования: *Агапов О.Д., Агапова Е.И.* Медиация и инверсия в динамике российской истории XX в.// Архонт, 2018. № 2(5). С. 14-21.